

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 141.319.8 : 27-185.3

ББК 87.52 : 87.53

DOI: 10.54348/SciS.2023.1.8

Самопознание в философской мысли античности и культура самопознания в восточном христианстве: общие положения

Алексей Семенович Лопухов (иеромонах Серафим)^{1,2}, Людмила Викторовна Ершова³, Виктор Георгиевич Маслов⁴

^{1,3,4} Ивановский государственный университет, Шуя, Россия

² Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская Православная духовная семинария, Иваново, Россия

^{1,2} teist777@mail.ru.

Аннотация. В статье на материале взглядов античных философов и святителя Игнатия (Брянчанинова) как представителя «восточнохристианского» богословия рассматриваются общие положения о природе и принципах самопознания. Доказывается, что, при немалом количестве внешних сходств и идей, существуют решающие различия в понимании оснований самопознания и следующее из этих различий стратегическое расхождение пути и направления самопознания. Культура самопознания у античных древнегреческих философов сводится к некоему духовному упражнению, развиваясь в котором человек приобщается осознанному гносеологическому смирению. Отсутствует подробный анализ препятствий или путей ложного самопознания, но акцентируется внимание на стремлении к нравственному идеалу. Возможность самопознания и самосовершенствования имманентна человеку, и учение античности о самопознании имеет по большей части аксиологическую направленность. Культура христианского самопознания восточного христианства идет совершенно по другому пути. Для христианина путь самопознания – это уход от индивидуализма ради нового понимания личности, выход из обыденного состояния греховности в состояние обновления или борьбы. Христианская культура самопознания имеет сотериологическую направленность: она тесно связана со спасением человеческой души и истинным Богопознанием, стремлением к богоподобию, познанием греховной природы и немощи человека.

Ключевые слова: самопознание, аксиология, сотериология, святитель Игнатий (Брянчанинов), философия, богословие, духовное зрение, смирение, греховность.

Для цитирования: Лопухов А.С., Ершова Л.В., Маслов В.Г. Самопознание в философской мысли античности и культура самопознания в восточном христианстве: общие положения // Научный поиск: личность, образование, культура. 2023. № 1. С. 57–66. <https://doi.org/10.54348/SciS.2023.1.8>

CULTUROLOGY

Original article

Self-cognition in the philosophical thought of antiquity and culture of self-knowledge in Eastern Christianity: an overview

Alexei S. Lopukhov (priest-monk Seraphim)^{1,2}, Lyudmila V. Ershova³, Victor G. Maslov⁴

^{1,3,4} Ivanovo State University, Shuya, Russia

² St. Alexis Ivanovo Orthodox Theological Seminary, Ivanovo, Russia

^{1,2} teist777@mail.ru.

Abstract. General positions on the nature and principles of self-cognition, based upon the views of ancient philosophers and St. Ignatius (Bryanchaninov) as a representative of the Eastern Christian theology are considered in the present article. It proven that despite many similarities in form and and ideas,

there are substantial differences in the view on foundations of self-knowledge and a deep divergence of the path and direction of self-knowledge that follows from these differences. The culture of self-knowledge of ancient Greek philosophers boils down to a kind of spiritual exercise by which one acquires conscious humility of the mind. There is no effective analysis of the obstacles or ways of false self-knowledge, but emphasis is placed on the pursuit of the moral ideal. The possibility of self-knowledge and self-improvement is immanent to man, and the teachings of antiquity on self-knowledge are mostly axiological in its objective. The culture of self-knowledge in the Eastern Christianity follows a different path. For a Christian, the path of self-knowledge is a departure from individualism for the sake of a new understanding of personality, an exit from the ordinary state of sinfulness into a state of renewal or struggle. Christian culture of self-knowledge has a soteriological objective: it is closely related to the salvation of the human soul and the true cognition of God, the desire for godliness, the awareness of the sinful nature and weakness of man.

Keywords: self-knowledge, axiology, soteriology, St. Ignatius (Brianchaninov), philosophy, theology, spiritual vision, humility, sinfulness.

For citation: Lopukhov A.S., Ershova L.V., Maslov V.G. Self-cognition in the philosophical thought of antiquity and culture of self-knowledge in Eastern Christianity: an overview. *Nauchnyj poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura* = *Scientific search: personality, education, culture*. 2023. No. 1. Pp. 57–66. (In Russ). <https://doi.org/10.54348/SciS.2023.1.8>

Введение. Интерес к проблеме самопознания не иссякает на протяжении всей человеческой истории. Это, разумеется, касается и христианских мыслителей: «Человек – тот, кто познал себя» (прп. Пимен Великий – цит. по [Брянчанинов, 2014, V, с. 282]).

В наше время распространено легкомысленное мнение, что путь самопознания несложен. Такой взгляд популярен потому, что всевозможные информационные ресурсы потребительской цивилизации предлагают человеку «в готовом виде» адаптированные для усвоения разнообразные философские, психологические и религиозные взгляды на самопознание, и он оказывается перед большими соблазнами. Однако уже древнегреческие философы не считали этот вопрос легким.

Как известно, в Дельфах Древней Греции на фронте храма Аполлона была начертана знаменитая надпись «*Ποιηθὲν ἑαυτὸν γινώσκει*» («Познай самого себя»). Это одно из 7 изречений, оставленных, по легенде, семи великими мудрецами Древней Греции [Гаспаров, 2000, с. 71]. Мы видим, что само возникновение термина «самопознание» входит в сферу религиозного культа. Замечательно на этот счет мнение Цицерона: «Это изречение заключает в себе такой глубокий смысл и такую мудрость, что было бы странно приписывать его человеку» [цит. по: Мэйсон].

Проблема самопознания получила в трудах философов античности глубокое освещение, сформировавшее тысячелетние традиции. Однако сама культура человеческого самопознания, представляющая собой важный антропологический аспект, содержит в себе затруднение, особенно очевидное тогда, когда остается в пренебрежении религиозный контекст. На наш

взгляд, проблему антропологического концепта невозможно разрешить без рассмотрения культуры самопознания человека с христианской точки зрения. Отметим попутно, что и среди христианских конфессий отсутствует единство в понимании самопознания, поэтому мы в статье обращаемся лишь к соотношению античной и восточнохристианской традиций культуры самопознания.

Это соотношение – вопрос дискуссионный и актуальный. Определенные элементы христианской антропологии находились под влиянием идей античной философской мысли – и в то же время очевидно, что формирование христианской антропологии в ее «восточном» варианте опиралось на аскетические опыты святых Отцов Восточной Церкви. Складывается достаточно сложная картина, включающая в себя как ясно видимые точки соприкосновения, так и несомненные различия, ставящие под сомнение прямое «наследование», что мы и постараемся осветить в данной статье. Материал нашей работы потребовал применения системно-философского подхода, аксиологического, сoteriological, историко-генетического и сравнительно-исторического методов исследования.

Основные результаты исследования. Античные мыслители формулируют широкий спектр философских вопросов о человеке. Вначале самопознание в античности приобретает гносеологический характер, далее развивается как философская антропология.

Эту революцию в философской мысли производит Сократ. Он заимствует изречение «*Ποιηθὲν ἑαυτὸν γινώσκει*» и делает его главным принципом моральной философии; самопознание становится основной частью его учения.

Разумеется, есть значительная сложность в каком-либо однозначном восприятии облика и учения Сократа, не оставившего письменных текстов и предстающего разным у Ксенофонта и Платона, причем у последнего – и разным в различных диалогах: «он то ироник, то моралист, то софист, то мистагог; он гибрист, “законник”, майевтик, резонер, апоретик, учитель и т.д.» [Протопопова, 2019, с. 84]. Но наша цель – обнаружить «точки соприкосновения», а не решить «сократовский вопрос».

Сократ прямо утверждает, что философия должна изучать только человека, но не физическое его устройство, а как «разумное и нравственное существо» [Лега, 2009, с. 77]. Для Сократа как строение мира, так и физическая природа вещей непознаваемы, поэтому предметом истинного знания может быть только то, что связано с целесообразной деятельностью человека, с человеческой душой. Разумеется, и *Евангелие* акцентирует особое внимание на душе человека: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Матф.16:26).

Душа для Сократа, прежде всего, это «Я создающее», нравственная и интеллектуальная личность. Главным в действии человека он видит развитие собственной души. Ведущий метод в практике самопознания у Сократа – майевтика (от др.-греч. μαίευτική – «повивальное искусство»), устремленная на поиск подлинного знания в душе человека. Именно поэтому в самопознании и самоиспытании им устанавливается начало всякого истинного знания, в том числе и условие правильной деятельности человека. Итак, Сократ уже закладывает истоки самовоспитания человека. Самопознание по Сократу – это, прежде всего, забота о своей душе и ее назначении, оценка своих поступков, ясное осознание добра и зла, опытное познание нравственных и идеальных качеств в человеке.

Тесную связь с учением о самопознании имеет другое знаменитое изречение, именуемое «парадоксом Сократа»: *«Я знаю, что я ничего не знаю»*. Знание того, что ты ничего не знаешь – это начало познания себя. Чем больше человек узнает о своей слабости, о своих недостатках, тем он мудрее становится. Так, в раннем диалоге Платона «Лахет» два полководца, рассуждающие о воспитании юношей и ведомые Сократом по пути ответа на вопрос, что такое мужество, приходят к противоположным выводам (мужество разумно – Никий / мужество неразумно – Лахет). Прекрасно знающие «практически», что такое мужество, они вынуждены признать, что не готовы воспитывать

юношей, поскольку «(1) не знают “предмета”, то есть не знают, что такое мужество; (2) нуждаются в наставниках для себя самих. ... познание предмета коррелирует с “воспитанием себя”, и парадоксальным образом признание себя незнающим оказывается “практическим знанием”, то есть проявлением мужества» [Протопопова, 2019, с. 89].

Сократ одновременно направляет человека на испытание самопознанием – и демонстрирует ограниченность и условность его познавательных способностей. Занимаясь самопознанием, человек и должен в первую очередь познать свою ограниченность и невежественность, что является неотменимым условием дальнейшего пути к истине. Здесь прослеживается внутреннее сходство с учением о христианском смиреннии. Эта мысль Сократа ярко выражена у апостола Павла: *Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать* (1 Кор. 8:2).

Сократ прекрасно понимает, что знание чего-либо верного не означает следования ему (ведь, кроме разума, нами руководят страсти и желания), но, по сути, устанавливает тождество между знанием и нравственностью: деятельность человека в итоге определяется правильными понятиями о внутреннем нравственном достоинстве. Имея понятие о *нравственном превосходстве* как некой доброй воле, человек уже не может вести себя аморально или предосудительно – а если он всё же так ведет себя, то это говорит об отсутствии подлинной мудрости (не способный сдерживать себя не мудр): «Для того, чтобы отличать правильное от неправильного, необходимо знание, однако для того, чтобы не поддаваться соблазну удовольствий и не терять из-за этого своей способности различать добро и зло, нужно не знание, а *ἔγκράτεια*» (воздержанность – И.С.) [Черняховская, 2010, с. 31]

Здесь мысль Сократа – с христианской точки зрения – противоречива. Например, точное и подробное знание нравственного Божественного закона ветхозаветными первосвященниками и старцами, их житейская «мудрость» не остановили их совершить самое ужасное из всех преступлений – Богоубийство (распятие Христа). И утонченное наблюдение апостола Павла говорит об обратном: *мы все имеем знание, но знание надмевает, а любовь назидает* (1 Кор.8:1) – т.е. нравственный эффект от знания может быть противоположным! Одного знания недостаточно для исправления человека, оно даже может усугубить положение и состояние его нравственности, проблема намного глубже.

Философский термин «самопознание» в хри-

стианскую теологию, по утверждению исследователей, одним из первых вводит учитель веры Климент Александрийский [Романов, 2018, с. 74]. С этого момента начинается формироваться христианское учение о самопознании. У него, на наш взгляд, свои основания и своя логика, соприкасающиеся с античной философией, но имеющие и чрезвычайно важные отличия.

Приведем характерный пример. Прекрасно образованный и эрудированный в естественных науках святитель Игнатий (Брянчанинов) смотрел на образование как на камень преткновения для человека, ибо образованность и обычаи этого мира могут стать ширмой или каменной стеной между человеком и Богом – источником нравственности [свт. Игнатий, 2011, III, с. 641]. Это означает, что знание и образованность человека не тождественны его нравственности. История показывает, что обширная образованность иногда была причиной воцарения «*злого гения*», например Наполеона, Гитлера и т.д. В то же время нельзя умалять необходимость знания и образования – их недостаток сдерживает развитие человека (в том числе и нравственное, ибо, как говорит Златоуст, нравственное бедствие происходит «от незнания Писаний» [Иоанн Златоуст, 2005, с. 504]). Проблема кроется в онтологических глубинах поврежденности природы человека, развитие которой может усугубляться образованностью; человек идет на поводу у порочных желаний и страстей, извращая и самопознание. Вот почему внешне безукоризненное учение о самопознании Сократа и подлинность его личного самопознания критиковал и подвергал сомнению вселенский учитель – святитель Иоанн Златоуст. По его аскетическому взгляду, все учение Сократа «проникнуто тщеславием» [Иоанн Златоуст, 2005, с. 338–339] и, по сути, является лицемерным.

Идеи Сократа были затем положены в основание философии Платона, для которого самоуглубление, рассматривание и созерцание в собственном человеческом духе природных идей являлось единственным средством постижения истинно сущего. Для самопознания Платон предлагает философское упражнение – рассуждение, без которого оно практически невозможно. Знакомое нам «*дельфийское изречение*» интерпретируется им как – «*будь рассудительным*». С его точки зрения, только рассудительный человек может познавать пределы своих познавательных способностей, определять в точности, что он знает и не знает.

Однако рассуждение рассуждению рознь, ибо ум человека может пойти по пути ложного рассуждения. Как подчеркивает свт. Игнатий,

существует естественное или деятельное рассуждение, которое образуется в человеке науками и чтением, но оно не лишено греховного воздействия, поэтому оно отстоит от духовного рассуждения как небо от земли, как свет солнца от света луны [свт. Игнатий, 2011, I, с. 532]. Духовное рассуждение – дар Божий, приобретаемый совершенно иным путем, в отличие от естественного рассуждения. Духовное рассуждение – есть действие духовного разума, который есть «свет Святого Духа в уме и сердце» [свт. Игнатий, 2014, II, с. 14]. Духовное рассуждение рождается не от образования и учености, а от «от непорочной совести и чистоты сердечной» [свт. Игнатий, 2014, II, с. 374]. С помощью духовного разума открывается духовное видение и духовное рассуждение, способствующее человеку подлинно видеть себя, кто он есть. С помощью естественного или деятельного рассуждения процесс самопознания будет всегда иметь ограниченное действие или ложное направление, здесь всегда будут действовать страсти и пристрастия.

Для Брянчанинова духовное рассуждение тождественно смиренномудрию [свт. Игнатий, 2014, I, с. 190]. Как раз в познании себя, по Платону, человек, прежде всего, познает свою немощь и пределы непознаваемого и неизъяснимого. Некоторые исследователи видят в этом сходство с христианским самопознанием, указанным апостолом Павлом (1 Кор. 8:2) [см.: Ващенко, 2020]. Самопознание в понимании Платона – это инструментальный достижения смиренного понятия о себе, что на первый взгляд сочетается с аскетическими выводами христианства. И свт. Игнатий утверждает, что процесс самопознания не может совершаться без главной христианской добродетели – смирения. Однако, по Платону, *от самопознания происходит смирение* – по святителю Игнатию же, наоборот, *от смирения – совершенство самопознания*. Главный инструмент для приобретения смирения – Евангелие.

Брянчанинов считает, что человеку, просвещенному светом Евангелия, фатально открывается падение человечества. При таком видении в нем постепенно рождается и смиренное понятие о себе – нищета духовная. Смирение же, утвердившись в человеке, открывает ему более глубинную область самопознания [свт. Игнатий, 2014, I, с. 519]. Смирение – это состояние, при котором человек истинно и совершенно познает себя: «*Смириться*» значит сознать свое падение, свою греховность, по причине которых человек сделался существом отверженным, лишенным всякого достоинства; «*возноситься*» значит приписывать себе пра-

ведность, хотя бы это было и в некоторой степени, и другие достоинства» [свт. Игнатий, 2014, III, с. 26]. По Брянчанинову, главное антропологическое свойство смирения, раскрывающееся в человеке, – «глубокое познание своего ничтожества» [свт. Игнатий, 2014, I, с. 190].

Сравним. Платон как основатель объективного идеализма устанавливает основу человеческого в человеке, а именно – духовную культуру, которая и способствует его самопознанию и стремлению к идеалу. По учению Платона, если человек стремится к истине, то получает истинные знания из своей собственной души, что позволяет управлять самим собой и возделывать добродетели, ибо это движет человека к идеалу [см.: Грибоедова, Фельдман, с. 2017]. Всего этого можно достичь стремлением к познанию объективной истины и объективной нравственности. Такая истина существует, только необходимо ее точное познание, следовательно, требуется от человека жизнь согласно с этой истиной, что и является главной задачей философии. Реализация этой задачи и есть метод самопознания [Лега, 2009, с. 77]. *Познать себя и обрести истину*, по Платону, одно и то же, ибо истина всегда есть в душе человека, поэтому он должен узнать ее и вступить в ее обладание. Для получения истинного знания необходимо – начать с себя.

Значит, самопознание по Платону – это забота о своей собственной душе и о поиске истины. В этом наблюдается теснейшее соприкосновение философии Платона с христианским мировоззрением (Лк. 12:22-23). Ибо подлинная жизнь христианина, по взгляду Брянчанинова, заключается «в изучении истины, в образовании себя ею» [свт. Игнатий, 2014, I, с. 546]. Но, в отличие от Платона, Брянчанинов убежден, что человек не содержит в себе истину, ибо *истина* находится вне человека [свт. Игнатий, 2014, I, с. 149], она в Евангелии, а человек после грехопадения – лживое существо [свт. Игнатий, 2014, I, с. 148]. Евангелие может постепенно исцелить человека от лукавства: при постоянном обращении к Евангелию человек приобретает возможность определять в себе правильные и добрые мысли и чувства, и отличать их от поддельных и мнимых, кажущихся правильными и добрыми [свт. Игнатий, 2011, III, с. 600].

Но верно ли продолжать настаивать на том, что человек сам по себе темен, и лишь Евангелие зажигает в нем свет? А совесть, «глас Божий в человеке»? А «закон, написанный в сердце и у язычников»? Ведь не будь в человеке врожденного внутреннего света, он не понял и

не принял бы само Евангелие! Чтобы разрешить эту проблему, необходимо совершить небольшой экскурс в книгу *Бытие*. Мы видим, что после преступления Божией заповеди Адам *совершенно не понимает себя*, он сначала прячется от Бога. А в диалоге с Богом Адам обвиняет Бога и свою жену в своем грехопадении, а себя оправдывает, хотя врожденный голос совести был нем. Что же произошло с первым человеком и его совестью, где же ее «освящающий свет»? Не стоит забывать, что в этот момент Адам общается с самим Богом, а *совесть спит*. Это есть в настоящее время естественное состояние каждого человека. В понимании святителя Игнатия в грехопадении повреждению подпала и совесть человека. Грех повредил совесть человека так, что теперь она заражена лукавством и действует неправильно.

Главное свойство лукавой совести, по взгляду Брянчанинова, состоит в постоянном оправдании и извинении грехов человека, что явно препятствует подлинному познанию себя. Исцеление поврежденной совести совершается только учением Христовым, содержащимся неповрежденным в лоне Православной Церкви. *Не совестью человек принимает Евангелие – наоборот, Евангелие исцеляет совесть*. Свт. Игнатий пишет: «Совесть натачивается Христом» [свт. Игнатий, 2014, I, с. 389], т.е. сам Христос исцеляет совесть от лукавства. Через исполнение евангельских заповедей совесть просвещается и получает правильное действие.

Евангельские заповеди имеют особенное воздействие на очищение совести. При соблюдении их она просвещается и получает острый взгляд в глубину себя, доставляет самое точное самовоззрение, показывая человеку с особой ясностью и подробностью его греховное повреждение, все его грехи, даже «самые малейшие» [Практическая энциклопедия, 2013, с. 273]. Другое аскетическое делание – *Иисусова молитва* – воздействует просвещающим эффектом на ум и совесть человека, с помощью которых осуществляется самопознание, она выступает в роли зеркала для ума и светильника для совести [свт. Игнатий, 2014, II, с. 135].

Теперь что касается истины в самом человеке. В реальном состоянии человека (поврежденном его виде), по взгляду Брянчанинова, *истина* находится вне человека. Святитель Игнатий как будто лично писал философу Платону: «Тебе стыдно сознаться, падший горделивец, гордый в самом падении своем, что ты должен искать истины вне себя, что вход для нее в твою душу – чрез слух и другие телесные чувства! Но это – неоспоримая правда, обличающая, как глубоко наше ниспадение» [свт.

Игнатий, 2014, I, с. 149]. Для Брянчанинова: Истина – Слово Божие; Истина – Евангелие; Истина – Христос. Обращение к истине происходит не в самом естестве человека, а извне, через приобщение к Евангелию и ко Христу. Постоянное чтение и изучение Евангелия, особенно жизнь по евангельским заповедям, постепенно приобщает человека к истине. Познание истины имеет особое действие на человека – изгоняет из него «человеческую правду», которая осквернена грехом и падением, тем самым вводя в его душу Божественную правду. Человек может найти истину внутри себя только по приобщению его к Святому Духу, но это уже сверхъестественное состояние человека. Прежде обновления человеческого естества Святым Духом опасно для человека искать истину внутри себя: «Если же прежде явственного пришествия Святого Духа – удела святых Божиих – кто возмнит слышать внутри себя вещающую истину, тот льстит только своей гордости, обманывает себя; он скорее слышит голос того, кто говорил в раю: «будете яко божи» (Быт.3:5). И этот-то голос кажется ему голосом истины!» [свт. Игнатий, 2014, I, с. 150]. Проблема возникает, когда человек полностью доверяет себе, не сомневается в себе и в своих размышлениях, когда принимает внутренний голос (или голос сатаны) о самом себе за неопровержимую истину. Необходимо понимать, что не только inferнальные духи вкладывают в человека ложные идеи, но порой и наш собственный разум легко обманывает нас.

Брянчанинов убежден, что постоянное обращение к Евангелию сообщает человеку четкую определительность, постепенно исправляет его мысли и чувства в соответствии с евангельским учением. Только тогда человек может разобраться в себе истинные и подлинные мысли и чувства – от ложных и кажущихся правильными и настоящими. Этого просвещения были лишены мыслители античной философии: находясь в реальном человеческом состоянии (состоянии падения), они занимались поиском истины в самих себе, не имея состояния сверхъестественного – просвещения свыше от Святого Духа. Таким образом, учение о самопознании Платона касательно поиска истины в самом себе вводило человека на ложный путь самопознания, приобщая человека к духу тьмы. Можно сказать, к тому внутреннему голосу (или демону) Сократа, о котором и говорил Платон.

Для неоплатоников, в особенности Плотина, самоуглубление в жизнь собственного духа открывало возможность постижения божественной сущности и достижения полного единения с ней. Богопознание в учении Плотина – в пер-

вую очередь самопознание [См.: Лега 2009, с. 180]. Плотин остается верным последователем Сократа: изучение должно начинаться не с познания внешнего, а с изучения внутреннего мира человека. В самопознании Плотин предлагает раскрыть центр активности душевной жизни человека – его «внутреннее я», где сосредоточены его высшие способности, о которых человек не имеет никаких понятий. Глубокое осознание человеком своего «внутреннего я» является, по сути, пробуждением и началом духовной жизни. Плотин это «внутреннее я» считает подлинным в человеке и противопоставляет ему «эгоистическое я», наполненное страстями и пороками.

Таким образом, Плотин различает в человеке «подлинное я» без греха и «эгоистическое я», полное грехов. Это категорически отличает «плотиновское самопознание» от христианского понимания. По святителю Игнатию, самопознание – познание человеком своего состояния, в котором находится он сам и всё человечество без исключения. Это прежде всего зрение в себе живущего греха, зрение в себе падения праотцов и ветхость обветшавшего Адама [свт. Игнатий, 2014, I, с. 60], познание живущего греховного повреждения во всем человеческом существе: уме, сердце, теле и душе [свт. Игнатий, 2014, I, с. 58], ибо «зло проникло в самое начало человека» [свт. Игнатий, 2014, II, с. 333]. Убеждение святителя разделял в том числе известный богослов прп. Иустин (Попович) Челлийский, который полагал, что результатом общественного самопознания является познание греховной поврежденности всего человека – «полной зараженности грехом своего самосознания», глубинное осознание того, что «мое я срастворено с грехом, что мое я – это “я” греха» [прп. Иустин, 2004, с. 295]. В христианском понимании грех настолько глубоко проник в природу человека, что как бы стал его второй «неотделимой природой», «его душой»; отделение от греха подобно полному отречению от самого себя [свт. Игнатий, 2014, I, с. 336] – и поэтому невозможно силами только человека. Плотин же предлагает путь отделения в человеке «эгоистического я» (греха) усилиями самого человека. Для обретения «внутреннего я», т.е. перехода от жизни в страстях к жизни в духе, Плотин предлагает «автономное» стремление к нравственной чистоте и добродетели, развитие умения владения движениями души.

В то же время сама плотиновская установка на глубинное самопознание-очищение чрезвычайно важна. Ведь самопознание в учении Плотина – это, прежде всего, познание собственной души, а не тела. Вся философия Плотина сво-

дится к призванию людей смотреть внутрь себя, а не на внешний мир, ибо сосредоточение внутри себя позволяет человеку видеть «божественный нус». Неоплатоники рассматривали душу человека в тесной связи с божественным бытием, представляя ее частью мировой души, а само самопознание – как шествие человека к божественному началу для воссоединения «со своей первичной божественной сущностью» [Романов, 2018, с. 71]. Например, блаженный Августин Гиппонский одним из первых христианских мыслителей акцентировал внимание на невероятной сложности внутреннего мира человека: через самопознание человек познает Бога, собственную греховность и нравственные качества. В самопознании блж. Августина раскрывается учение Апостола Павла о видении христианином Христа в своей собственной душе как *основы самопознания, преловосходящей всё лично-индивидуальное*: «Ключевой идеей учения Августина Аврелия стала ориентация субъекта познания на поиск следов Бога при погружении в свой внутренний мир, а не индивидуальных черт своей личности. При погружении в свой внутренний мир августиновскому субъекту было необходимо “превзойти самого себя” и найти Высшую истину, преодолев все индивидуально-неповторимое» [Грибоедова, Фельдман, 2017, с. 85].

У Аристотеля «идея самопознания» – это начало всей мудрости. Изучение себя – это первый шаг к познанию своих возможностей и ограничений, отсюда понимание других людей, последствия изучения – принятие себя каким ты есть. Мудрость заключается в том, что исследование и познание себя делает человека более осведомленным о своих собственных недостатках. Аристотель определяет исключительную возможность самопознания человека только в сочетании с познанием окружающего мира и существующего в нем порядка. – т.е., на первый взгляд ослабляет значимость человека, возвышая видимый мир. Но если человек не знает себя, то он не может знать ничего другого: ведь он, как фильтр или увеличительное стекло, есть инструмент для познания и интерпретации всего в свете того, каким видит себя и что он знает о себе. В философии Аристотеля самопознание, в сущности, есть познание мира через самопознание. Человек представляется Аристотелем не частью мира, а всем миром [Лега, 2009, с. 197].

В учении стоиков цель самопознания – обретение внутреннего покоя, преодоление неприятностей, посылаемых судьбой, с помощью самоконтроля, а также осознание своих внутренних

переживаний. Единственное условие обретения внутреннего счастья для стоиков – добродетельная жизнь, которая основывалась на знании. Добродетельная жизнь объявлялась единственным благом для человека, а недобродетельная – злом. Поэтому у стоиков акцентируется внимание на учении о страстях и способах их преодоления. Стоики разработали аскетическую систему освобождения и особую классификацию страстей, которая заключала в себе четыре главных страстных состояния: скорбь (λύπη), страх (φόβος), возжелание (ἐπιθυμία), наслаждение (ἡδονή) [Гаджикурбанова, 2005, с. 77]. На основании этого аскетического учения стоицизма А.А. Романов отождествляет, например, учение о самопознании в христианской традиции (на примере Климента Александрийского) со стоическим правилом преодоления страстных состояний: «Фактически все его учение о самопознании заключено в стоическом правиле: “Хорошо жить, значит жить сообразно с разумом: всё, что противно ему, есть грех; все сообразно с его законами – добродетель. Этим отличается человек от животных, которых желания не управляют разумом”» [Романов, 2018, с. 74]. На самом деле такой вывод вытекает только при поверхностном взгляде на данную проблематику.

Действительно, аскетический опыт наблюдения и борьбы со страстями позволил святым Отцам восточной Церкви свести страстные состояния в известные схемы. Самая распространённая схема главных страстей принадлежит преп. Иоанну Кассиану Римлянину, которому следуют другие Отцы аскетической направленности: Евагрий, Нил Синайский, Ефрем Сирий, Иоанн Лествичник, Максим Исповедник и Григорий Палама и др. [см.: архим. Киприан, 1957, с. 162]. Этой схемы придерживался и святитель Игнатий. Она сводится к восьми главным страстям: 1) чревоугодие (у святителя – чревообъядение), 2) блуд (у святителя – любодеяние), 3) сребролюбие, 4) гнев, 5) печаль, 6) уныние, 7) тщеславие, 8) гордость. При этом каждая страсть имеет свои подразделения и ответвления. В сравнении с классификацией страстей предложенными стоиками и христианским аскетами видна существенная разница. Явно, что в восточном христианстве антропологический концепт поврежденности человеческой природы раскрывается максимально подробнее, чем у философов античности. На этом примере хорошо показывается, каких знаний можно достичь с помощью исключительно человеческих усилий (философы) – и при помощи божественной благодати (отцы-аскеты).

К тому же стоит заметить, что в этике стои-

ков страсть является присущей существу, обладающей разумной природой, поэтому дети, не пришедшие в совершенный разум (для стойков – это возраст до 14 лет) не причастны страстям [Гаджикурбанова, 2005, с. 79]. С точки зрения стойков, страсти не передаются человеку от предков по природе, а являются следствием извращенной разумной природы т.е. неправильного использования разума и воли человека. Получается, что страсти не живут в природе человека после его рождения, а приходят извне в ходе развития человека, через его ослабленный разум. Такой взгляд не совсем согласуется с аскетической культурой восточного христианства. В понимании святителя Игнатия страсти – это «страшные нравственные недуги, составляющиеся от произвольных, повторяемых в течение значительного времени согрешений» [свт. Игнатий, 2014, II, с. 242], а также «болезни, страдания (тела и души), которыми заразились люди при падении» [свт. Игнатий, 2014, III, с. 114]. Такое определение страсти мы находим у св. аввы Исайи, он пишет: «Страстями называются свойства человеческие в их болезненном состоянии, произведенном падением» [цит. по: Монашеское делание, 1991, с. 39]. Таким образом, страсти – это укоренившиеся грехи, которые по своей сущности противоестественны человеку, но посредством падения они стали ему естественны, сделавшись как бы второй его природой. Человек уже рождается с определенными страстями, унаследовав некоторые от родителей (возможно, те, которыми особенно они были заражены), а другие входят в человека по мере греховной жизни. Таким образом, святитель Игнатий делает следующее различие страстей: 1) страсти, свойственные падшему естеству (унаследованные); 2) страсти, произвольно усваивающиеся каждым человеком (приобретенные) в процессе его жизнедеятельности (сила этих страстей значительно сильнее первых).

В каждом человеке действует и развивается с особенной силой какая-то одна страсть, в другом человеке другая: один склонен к чревоугодию, другой увлекается жадной к суетным почестям, третий имеет особенную склонность к сребролюбию и т.п. В то же время в человеческом естестве присутствует зародыш всех человеческих страстей, т.е. в каждом человеке есть и живут все страсти. Святитель Игнатий утверждает, что «не увлекающийся какой-либо страстью не должен думать, что нет в нем этой страсти, только не было случая к обнаружению ее» [свт. Игнатий, 2014, II, с. 252]. То есть не было такой жизненной ситуации или такого человека, которые могли бы обличить скрытно живущую в человеке страсть. Такого мнения держится и св. Исихий Иерусалимский: «Много страстей сокрыто в душах наших; но об-

личают они себя только тогда, когда являются на глаза причины их (предметы, поводы)» [цит. по: Монашеское делание, 1991, с. 41]. Из различия понимания возникновения страсти в человеческом естестве возникает различие понимания их преодоления и отношения к ним.

Поэтому акценты в стратегии самопознания, при внешнем сходстве с положениями античной философии и даже опоре на них, уже в самом начале христианского богословия смещаются на главный источник истинного самопознания – Господа нашего Иисуса Христа, что открывает новый смысл самого процесса. Для Климента Александрийского *самопознание* – это наука, заключающаяся в уподоблении человека Богу и приводящая к Нему через добродетельную жизнь; вводящая христианина в состояние «*совершенного гносиса*» или «*мера мужа совершенного*». Как пишет Климент Александрийский, «Если сам Христос именуется мудростью и Он сам действовал через пророков, уча через них гностическому преданию, которое по Пришествии Он лично открыл святым апостолам, то эта мудрость и есть гносис <...> А если созерцание есть цель мудрого, то стремящийся к божественному знанию не достигнет его, оставаясь философом, если не познает это самое пророческое откровение, позволяющее охватить настоящее, прошедшее и будущее – как оно есть, было и будет. Этот гносис, через устное предание апостолов, сообщен немногим. Значит, следует упражнять гносис и мудрость, ведущие к совершенному видению вечных и неизменных сущностей» [Климент Александрийский, 2003, III, с. 38]. Христианская аскеза освобождает душу человека от телесности и помогает обрести себя. Аскетическое упражнение – *покаяние* – помогает увидеть личную греховность души, погубить ее для греха и обрести новую жизнь души – без греха: «обретение своей души равнозначно самопознанию» [Климент Александрийский, 2003, II, с. 17]. В философском направлении для обретения человеком себя в самопознании, по словам В.В. Библихина, необходимо – *бросить самого себя* [Библихин, 2015, с. 5].

Заключение. Культура самопознания у античных древнегреческих философов реализуется не в теоретическом осмыслении, а практической философии. Самопознание, по сути, представляет собой некое духовное упражнение, развиваясь в котором, человек приобщается осознанному гносеологическому смирению, что ярко выражено в учении Сократа и Платона. Однако в античной философии совершенно отсутствует подробный анализ препятствий или путей ложного самопознания, но акцентируется внимание на стремлении к нравственному идеалу. Здесь видится большое упущение, потому что совершенно не ясен критерий

подлинного самопознания – в отличие от ложного познания себя. Путь к идеалу, по мысли античных философов, заключается в постоянном совершенствовании человеком самого себя, поэтому самопознание и самосовершенствование по своим свойствам имманентны характеру каждого человека в одинаковой мере. На этом пути человек получает определенные знания о самом себе, дает себе оценку, укрепляется в самореализации, начинает понимать свое «Я» и проникать в него, что позволяет кардинально менять себя. В познании «что же такое человек», а точнее, в познании собственного «Я», в философии античности и заключается вся задача самопознания. Под познанием собственного «Я» понимается: во-первых, осознание себя как личности; во-вторых, познание индивидуальности собственного «Я»; в-третьих – способности, наклонности, силы и пределы собственного «Я». В результате познания собственного «Я» человек становится способен к качественному осмыслению собственной деятельности, размышлению над событиями личной жизни, критическому сравнению себя с другими, изменению своей личности и пониманию смысла жизни. Таким образом, учение античности о самопознании имеет по большей части аксиологическую направленность.

Культура христианского самопознания восточного христианства имеет тонкое соприкосновение с философией античности, но идет совершенно по другому пути. Для христианина путь самопозна-

ния – это уход от индивидуализма ради нового понимания личности, выход из своего обычного и привычного состояния (обыденного состояния греховности) в состояние обновления или борьбы, что совершается *христианскими аскетическими упражнениями*. Этот процесс всесторонне воплощен, например, в жизни и трудах святителя Игнатия (Брянчанинова), но его конкретика уже выходит за рамки нашей статьи.

Античное самопознание имеет аксиологическую направленность, в отличие от сотериологического в христианстве. Но можно сказать, что античная философия задает христианству своеобразный темп развития в осмыслении своего опыта самопознания. Поэтому в христианской традиции мы видим совершенно иную трактовку самопознания, возникает иной взгляд на природу человека, внешне схожий с учением античности, но иной по глубине; в другом контексте объясняется и смысл человеческого существования. Вся христианская культура самопознания тесно связана со спасением человеческой души и истинным Богопознанием, стремлением к богоподобию, познанием греховной природы и немощи человека. Христианское самопознание считается невозможным без практики религиозного учения, плодотворной аскетической жизни и мистического опыта духовной молитвы; впрочем, истинное самопознание открывается только Христом тому человеку, который стремится *к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе* (Фил.3:14).

Список литературы

- Бибихин В.В. Узнай себя. Санкт-Петербург: Наука, 2015.
- Ващенко А.В. Самопознание в античной философской мысли и христианской традиции // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2020. С. 24–31.
- Владимир (Емеличев), свящ. Монашеское делание. Сборник поучений святых отцов и подвижников благочестия. Москва: СП «Квадрат», 1991.
- Гаджикурбанова П.А. Стоическая теория аффектов // Этическая мысль. 2005. № 6. С. 76–89.
- Гаспаров М.Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. Москва: Новое литературное обозрение, 2000.
- Грибоедова О.И. и Фельдман И.Л. Философско-исторические подходы к изучению самопознания личности в психологии // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 82–94.
- Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание творений: В 8 т. Москва: Паломник, 2014.
- Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений: В 12 томах. Т. 9. Почаев: Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2005.
- Иустин (Попович), прп. Собрание творений преподобного Иустина (Поповича): В 5 т. Т. 1. Москва: Паломник, 2004.
- Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение. Париж: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1957.
- Климент Александрийский. Строматы: В 3 т. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2003.
- Лега В.П. История западной философии. В 2-х частях. Ч.1: Античность. Средневековье. Возрождение. Москва: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, 2009.
- Мейсон Дж. Трактат о самопознании. URL: http://www.free-or-ise.ru/traktat_o_samopoznanii/chast_1/the_essence_and_importance_of_self_knowledge.php (Дата обращения: 29.04.2022).
- Практическая Энциклопедия. Основы правильной духовной жизни по творениям святителя Игнатия

(Брянчанинова), святителя Феофана Затворника, Георгия, Затворника Задонского / сост. А.Р. Петров. Санкт-Петербург: Изд-во «Сатис», 2013.

Протопопова И.А. Сократ как «сущность» и «метод»: эленхос и апория // Платоновские исследования. 2019. Т. 11. № 2. С. 83–98.

Романов А.А. Понимание самопознания в трудах христианских апологетов и учителей Церкви // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 69–79.

Черняховская О.М. Ксенофонт устами Сократа о нравственном выборе // Историко-философский ежегодник. 2010. № 2009. С. 5–32.

References

Bibikhin V.V. Get to know yourself. Saint Petersburg: Nauka, 2015. (In Russ).

Vashchenko A.V. Self-knowledge in ancient philosophical thought and Christian tradition. In: Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy, 2020. Pp. 24-31. (In Russ).

Vladimir (Emelichev), the priest. Monastic work. A collection of the teachings of the Holy fathers and ascetics of piety. Moscow: SP "Kvadrat", 1991. (In Russ).

Hajikurbanova P.A. Stoic theory of affects. *Eticheskaya mysl' = Ethical thought*. 2005. No. 6. Pp. 76-89. (In Russ).

Gasparov M.L. Entertaining Greece: Stories about ancient Greek culture. Moscow: New Literary Review, 2000. (In Russ).

Griboyedova O.I. and Feldman I.L. Philosophical and historical approaches to the study of personality self-knowledge in psychology. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Izvestiya Tula State University. Humanities*. 2017. No. 2. Pp. 82-94. (In Russ).

Ignatius (Bryanchaninov), svt. The complete collection of creations: In 8 volumes Moscow: Pilgrim, 2014. (In Russ).

John Chrysostom, svt. The complete collection of works: In 12 volumes. Vol. 9. Pochaev: Holy Dormition Pochaev Lavra, 2005. (In Russ).

Justin (Popovich), prof. The collection of the works of St. Justin (Popovich): In 5 vols. Vol. 1. Moscow: Pilgrim, 2004. (In Russ).

Cyprian (Kern), Archim. Orthodox pastoral ministry. Paris: Publishing House of the St. Vladimir Brotherhood, 1957. (In Russ).

Clement of Alexandria. Stromata: In 3 t. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2003. (In Russ).

Lega V.P. History of Western philosophy. In 2 parts. Part 1: Antiquity. Middle Ages. Revival. Moscow: Publishing House of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities, 2009. (In Russ).

Mason J. A treatise on self-knowledge. URL: http://www.free-or-ise.ru/traktat_o_samopoznanii/chast_1/the_essence_and_importance_of_self_knowledge.php (Date of application: 29.04.2022). (In Russ).

Practical Encyclopedia. Fundamentals of the correct spiritual life according to the works of St. Ignatius (Bryanchaninov), St. Theophan the Recluse, George, the Recluse of Zadonsky / comp. A.R. Petrov. Saint Petersburg: Publishing house "Satis", 2013. (In Russ).

Protopopova I.A. Socrates as "essence" and "method": elenchos and aporia. In: Platonic studies. 2019. Vol. 11. No. 2. Pp. 83-98. (In Russ).

Romanov A.A. Understanding self-knowledge in the works of Christian apologists and teachers of the Church. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Izvestiya Tula State University. Humanities*. 2018. No. 3. Pp. 69-79. (In Russ).

Chernyakhovskaya O.M. Xenophon through the mouth of Socrates on moral choice. *Istoriko-filosofskij ezhegodnik = Historical and philosophical yearbook*. 2010. No. 2009. Pp. 5-32. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 27.02.2023.